

Владимир Михайлович Турок

Лайош Мадьяр и другие

В. М. Турок (1904–1981) — советский историк, специалист по новейшей истории Австрии, в 1961–1981 гг. работал в Институте славяноведения РАН. В студенческие годы жил в Вене, встречался с многими активистами Коминтерна, после возвращения в СССР в 1926 г. работал в Крестьянском Интернационале (Крестинтерне) и Международном аграрном институте (МАИ), был знаком с венгерскими политэмигрантами, в том числе с будущим премьер-министром Венгрии Имре Надем. В 1973 г. в Будапеште Турок дал пространное интервью сотрудникам Института истории партии (в 1990 г. преобразован в Институт политической истории) К. Петрак и И. Ач-Андрашне и рассказал о венграх, с которыми ему довелось общаться. В фондах архива Института хранятся машинописные расшифровки интервью, среди них особняком стоит текст, озаглавленный «Лайош Мадьяр и другие»: скорее всего, это был черновик не опубликованной статьи. В ней В. М. Турок поделился личными воспоминаниями о венгерском политэмигранте в СССР и видном советском китаисте Лайоше Мадьяре, а также рассказал о своей работе в Крестинтерне и МАИ, сотрудниках этих учреждений, о партийных чистках 1929 г.

Текст статьи-интервью публикуется без сокращений, орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

Ключевые слова: Международный аграрный институт, Крестинтерн, венгерские политэмигранты в СССР, партийные чистки 1929 г.

Машинописный экземпляр статьи В. М. Турока хранится в фондах архива Института политической истории в Будапеште вместе с расшифровкой магнитофонных записей интервью, взятого в 1973 г. В отличие от несистематизированных фрагментов интервью, представляющих собой спонтанные рефлексии на поставленные вопросы (прежде всего о венграх, видных деятелях Коминтерна и венгерского рабочего движения), 17 машинописных страниц, озаглавленных «Лайош Мадьяр и другие», несут следы авторской редакции, содержат закавыченные цитаты, обладают — при кажущемся импровизационном характере изложения — стройностью литературной композиции. Авторские отточия сохранены. Об авторе статьи см.: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012. С. 437–438; Исламов 1995; Steppan 2008: 211–220. Здесь и далее примечания О. В. Хавановой.

Цитирование: Турок В.М. Лайош Мадьяр и другие // Центральноевропейские исследования. 2020. Вып. 3(12) / гл. ред. О.В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 329–350. DOI: 10.31168/2619-0877.2020.3.15

[Л. 36] В начале июня 1973 г. Мария Акошевна Хевеши¹ привела ко мне двух сотрудниц венгерского Института истории партии, Каталину Петрак и Андрашне Ач². Обе приехали в Москву собирать для Института материал о венгерских революционерах и политэмигрантах. Ко мне они явились с необоснованными, но великими надеждами³. Напрасно я объяснял им, что мои воспоминания принесут Институту мало пользы: воспоминания мальчика о взрослых людях гораздо более старшего поколения. К тому же после многих лет и десятилетий вспоминаются главным образом мелочи, часто совершенно не характерные и не существенные для характеристики того человека, о котором хотелось бы вспомнить добрым словом. Между тем иногда и слова всплывают не совсем добрые. Таково уж несчастное свойство человеческой памяти, особенно памяти поколения 30-х годов нашего тяжелого XX века. А люди того далекого и невозвратимого времени заслуживают воскрешения в памяти, хотя бы потому, что плохая им досталась доля, немногие вернулись...

Венгерки были неумолимы тем более, что поддержала Мария Хевеши: она знала, что я работал в Крестинтерне под начальством ее отца. Он погиб во время гражданской войны в Испании, когда дочери было девять лет и она надеялась услышать что-либо об отце.

Пришлось вспоминать...

Никто из нас не помнил, вернее не знал, настоящей фамилии Мадьяра⁴ и никто не воспринимал его как еврея. Для нас он был Мадьяром и по фамилии, и по национальности. В процессе упорной

¹ Хевеши Мария Акошевна (1928–2005) — специалист по истории философии XX в., доктор философских наук, более всего известна работами о философии Д. Лукача. Ее отец Акош Хевеши (1884–1937) — венгерский революционер, политический эмигрант в СССР, погиб на гражданской войне в Испании. См.: Желицки, Желицки 2012: 256.

² Речь идет о историках венгерского рабочего движения Каталин Петрак и Ирен Ач-Андрашне.

³ Ср. воспоминания венгерского историка Д. Кёвера о посещении В.М. Турока в Москве в ноябре 1972 г.: Kővér 2018.

⁴ Мадьяр Людвиг Игнатьевич (родовая фамилия Мильгорф, 1891–1937) — венгерский революционер-марксист, политический эмигрант в СССР, историк-китаевед,

мадьяризации многонационального Венгерского королевства интеллигенция национальных меньшинств принимала венгерские фамилии, как правило, сохраняя только первую букву прежней фамилии⁵. Это относилось, в частности, к венгерским евреям. [Л. 37] Так из Вейса возник Варга⁶, а Мильгорф стал Мадьяром.

О том, что Мадьяр был Мильгорфом, да к тому же еще и Людвигом Игнатьевичем, я узнал лет через сорок после первого с ним знакомства. Узнал я это из опубликованной в 1970 г. брошюры В. Н. Никифорова и А. М. Григорьева «Видные советские коммунисты — участники китайской революции»⁷. Как и во всех коминтерновских учреждениях, в Международном аграрном институте называли друг друга по имени, но никогда по отчеству. Помню, как удивился этому обычаю в случайном разговоре со мной уже известный в те годы писатель В. Каверин. Он счел это проявлением невежливости. На самом же деле причина была иной: в аппарате Коминтерна и других международных организаций всегда было много иностранцев и для них отчество просто не существовало. К тому же многочисленные коммунисты подпольщики, прибывавшие из стран белого террора, которых было много в тогдашней Европе, как правило, известны были только под своей нелегальной кличкой. До сих пор помню необыкновенно энергичного и черного как смоль венгерского политэмигранта, который занимался в Вене в 1924–1925 гг. паспортами, явками и прочей нелегальной техникой для венгерских и балканских революционеров. Ни имени, ни фамилии его мы не знали. «Константин» — такова была кличка. Позднее он перебрался в Ленинград, но для всех нас, знавших его по венскому периоду, [он] оставался «Константином» и нелепо было бы к этому несуществующему имени приделывать отчество.

Даже на чистке партии, когда каждый проходивший чистку обязан был рассказать каждую деталь не только своих поступков, но и

политолог, экономист, журналист. См.: Григорьев, Никифоров 1970; Желицки, Желицки 2012: 143, 262–265

⁵ Подробнее см.: Ránki 1999.

⁶ Варга Евгений Самуилович (Енё Вейс/Варга, 1879–1964) — венгерский социал-демократ, народный комиссар финансов Венгерской советской республики, в 1919 г. эмигрировал в СССР, вступил в ВКП(б), сотрудничал с Коминтерном, руководил Институтом мирового хозяйства и мировой политики, избран действительным членом АН СССР. См.: Желицки, Желицки 2012: 252.

⁷ Григорьев, Никифоров 1970.

своих мыслей, подлинная фамилия оставалась неизвестной для присутствующих, и это табу строго соблюдалось. Парадоксальным образом настоящая фамилия иной раз оставалась известной только полиции той страны, откуда прибыл данный политэмигрант. Поэтому часто так трудно расшифровывать псевдонимы тех людей, которых иногда знал годами. Из Югославии и Польши [Л. 38] несколько лет назад обращались ко мне сотрудники институтов истории партии с просьбой о помощи и были рады, когда я мог раскрыть им хотя бы два-три псевдонима. В частности, югославка занималась расшифровкой авторов статей в журнале «Коммунистический интернационал» и в числе прочего хотела узнать фамилию автора, подписавшего статью о крестьянском движении в Ирландии псевдонимом «К. Антонова». К великому изумлению югославки, я тут же представил ей мою жену Коку Александровну Антонову⁸, доктора исторических наук.

Коминтерновские привычки быстро воспринимались всеми нами. Никто в Международном аграрном институте не называл директора Института и члена Исполкома Коминтерна Коларова Василием Петровичем⁹. Он был и оставался «товарищ Коларов».

...Итак, его звали Мадьяр. По-русски Мадьяр говорил и писал совершенно свободно и грамматически правильно. Не чувствовалось даже свойственного венграм певучего растягивания слов. Правда, он жил в Москве многие годы, но ведь, например, народный комиссар труда Венгерской советской республики Бокани¹⁰ прибыл в СССР в 1921 г., то есть на год раньше Мадьяра, а с первого же слова можно было с уверенностью сказать, что говорит иностранец, а со второго слова определить, что перед нами венгерец.

Кроме произношения главным камнем преткновения был еще грамматический род. Проходили иногда многие годы, пока

⁸ Антонова Кока Александровна (1910–2007) — российский востоковед-индолог, автор мемуаров: *Антонова К.А. Мой Турок // Владимир Михайлович Турок — историк и его время / сост. Л.Б. Алаев, Т.Н. Загородникова. М.: Издатель Степаненко, 2013. С. 32–382.*

⁹ Коларов Василий Петрович (Васил Петров, 1877–1950) — болгарский революционер, партийный и государственный руководитель, деятель Коминтерна, занимал научные и политические посты в СССР.

¹⁰ Бокани (Бокани) Дежё (1871–1940 или 1943) — венгерский революционер-коммунист, нарком труда Венгерской советской республики, после ее падения приговорен к смертной казни, в порядке обмена политзаключенными выпущен на свободу и депортирован в СССР. Журналист. Репрессирован. См.: Желицки, Желицки 2012: 173.

какой-либо венгерский политэмигрант начинал соображать, что о своей жене надо говорить «она», а не «он» или «оно»¹¹. Это, впрочем, относилось не только к русскому языку, но и к более близкому тогдашнему поколению венгерской революционной интеллигенции немецкому. Один из моих венгерских знакомых для того, чтобы показать бессмысленность, по его мнению, немецкого «*Der, die, das*», любил повторять на свой лад «*daß die der Teufel holt*», то есть «чтобы их черт побрал». Ему казалось, что этот обрывок фразы превращает черта в некое [Л. 39] трехполое существо. А Бокани славился в Народном комиссариате труда СССР, где он заведовал Научным бюро иностранной информации, тем, что превращал кошку в кота, непрерывно повторяя «*für den Katz*», как вариант русского «корове под хвост». Еще более смешным этот «кац» стал, когда в 1926 г. из Вены прибыл в качестве гостя Наркомата Бела Кац — венгерский политэмигрант, выполнявший в течение нескольких лет обязанности австрийского корреспондента наркомтрудовского журнала «Вопросы труда».

В те годы Госбанк и Банк внешней торговли еще не проводили столь жесткого ограничения валютного фонда, как позднее. Поэтому редакция журнала могла оплачивать корреспонденции из Вены долларами, а Научное бюро выписывало довольно широко иностранную периодику, как, например, ежедневную газету германской социал-демократии «Форвертс»¹². Не было ограничений и права пользования этой прессой. Журналы, конечно, комплектовались наркоматской библиотекой, а газеты шли на выброс после того, как каждый сотрудник вырезал то, что ему казалось интересным. Можно было также забирать газеты домой, что я регулярно и делал. К моменту моего призыва в Красную армию осенью 1927 г. в комнате, которую я снимал за 25 рублей в месяц на Гоголевском бульваре, целый угол был завален грудой газет. Там и осталась эта груда после моего отъезда. А когда через год я вернулся в эту же квартиру, то ее владелец весело рассказал, что газеты он продал на завертку в продовольственный магазин на Арбате и что через неделю явился мужчина в штатском и сердито допрашивал, откуда получены эти газеты. Оказалось, что в одном из номеров «Форвертса» был перепечатан из берлинского «Социалистического

¹¹ В венгерском языке грамматическая категория рода отсутствует.

¹² *Vorwärts* («Вперед») — центральный печатный орган Социал-демократической партии Германии, издается с 1876 г.

вестника»¹³ полный текст беседы Бухарина с Каменевым: Бухарин в паническом страхе объяснял Каменеву, что Сталин их всех уничтожит, а Каменев в паническом страхе немедленно принес запись беседы в секретариат ЦК. [Л. 40] К счастью для меня и моего квартирохозяйна, сердитый мужчина ограничился нотацией, что столь легкомысленно обращаться с такими газетами не положено.

На посту заведующего Научным бюро иностранной информации Бокани не очень ясно представлял себе методы научных исследований, но зато твердо знал, что его сотрудники должны весь свой рабочий день проводить в той единственной комнате наркомата на Старой площади, которая была отведена для 8–9 сотрудников Научного бюро. Читать и работать в библиотеке Бокани категорически запрещал: это нарушало трудовую дисциплину. Спорить с ним было бесполезно. Впрочем, в последующем мне приходилось встречаться с такой же точкой зрения. Заместитель директора Международного аграрного института Исаак Романович Корнблум¹⁴ был доктором химических наук, высшее образование получил в Швейцарии, где был в эмиграции до Первой мировой войны, вернувшись вместе с Лениным в plombированном вагоне. А в качестве руководителя научного института Корнблум стоял все на той же точке зрения трудовой дисциплины. Он как-то долго объяснял мне, как плохо в М. А. И. научные сотрудники размещены в кабинетах на одного, максимум на двух человек. Надо было бы — рассуждал Корнблум — сломать внутренние стены, устроить огромный зал, где все и сидели бы. Тогда ему было бы достаточно войти в зал, чтобы сразу увидеть, кто работает, а кто баклуши бьет. Очень жалел старик, что перестройку здания не осуществить. В Институте действительно били баклуши, но отнюдь не потому, что не удалось Корнблуму осуществить принцип «уже верно мы поладим, коль рядом сядем». Образованный и просвещенный Корнблум в этом отношении не слишком отличался от Бокани.

Теперь-то я понимаю, что не стоило так обижаться на Бокани. Я был молод и глуп и не понимал, что старик не виноват в том, что его назначили на ученую должность. И самое главное, не понимал я, как [Л. 41] много интересного мог бы он рассказать...

¹³ «Социалистический вестник» — журнал, издававшийся заграничной делегацией РСДРП(м) в 1921–1965 гг. в Берлине, Париже и Нью-Йорке.

¹⁴ Корнблум Исаак Романович (1880–1948) — советский партийный деятель, секретарь Крестинтерна, заместитель директора Международного аграрного института.

Например, о процессе партии социал-революционеров в Москве в июне-августе 1922 г.¹⁵. Вместе с Кларой Цеткин, А. В. Луначарским, М. Н. Покровским и другими Бокани выступал на суде в качестве общественного обвинителя. Государственным обвинителем был Н. В. Крыленко, а председательствовал в Верховном революционном трибунале Г. Л. Пятаков. В своей речи Бокани произнес фразу, относившуюся к белому террору в Венгрии:

История будет читать не только русские протоколы, она также прочтет короткие протоколы о том, как нас присуждали к смерти, не разрешая никакой защиты, как выносили нам приговоры в течение 5–10 минут.

Не мог знать старый Бокани, что лет через пятнадцать такие 5–10 минут выпадут и на его долю...

Бокани часто любил повторять, что в мире есть только три хороших оратора: граф Альберт Аппони¹⁶, Лео Троцкий и Бокани. Себя Бокани скромно помещал на третье место. Не приходилось мне слышать выступления венгерского дипломата Аппони, но из литературы по истории международных отношений известно, что он действительно был блестящим оратором. А выступление Бокани я слышал потому, что он возбудил мое любопытство и я пошел в 1926 г. на огромный митинг, созванный МОПром в здании цирка на Цветном бульваре. В числе ораторов против белого террора значился и Бокани. Разочарование было полным: Бокани не говорил, а читал, притом без всякого выражения, что вообще было в те годы необычным, особенно для зарубежных коммунистов, которые обычно выступали очень темпераментно, особенно на массовых митингах, и никогда не читали свои речи, а говорили свободно.

В выступлении Бокани не чувствовалось даже то своеобразие венгерского языка, которое придают ему рокошущие согласные, звучащие

¹⁵ Партия социалистов-революционеров (эсеров, основана в 1902 г.), после судебного процесса над руководством вынужденно прекратила существование на территории СССР.

¹⁶ Аппони Альберт, граф (1846–1933) — венгерский политический деятель, в 1906–1910 и 1917–1918 гг. — министр просвещения и культов Венгрии, его именем назван закон (*Lex Apponyi*, 1906 г.), существенно ограничивший для национальных меньшинств возможность получения образования на родном языке. Прославился речью в защиту территориальной целостности Венгрии в ее исторических границах на Парижской мирной конференции в 1920 г.

как литавры, как медные трубы. Эту звучность демонстрировал мне когда-то еще в 1923 г. в Вене Йозеф Ревай¹⁷. Торжественным голосом трибуна [Л. 42] он декламировал странное слово «бу-тор-ша-шаг»¹⁸ и комментировал: звучит как проклятие, как заклинание, как клятва, а всего-то означает что-то вроде книжного шкафа. После этого наглядного урока, преподанного мне Реваем, я понял своеобразное очарование венгерской речи. Но речь Бокани вообще не воспринималась, ибо была чтением дьячка. Между тем по многим отзывам, молодой и темпераментный каменщик и профсоюзный деятель Бокани действительно был великолепным митинговым оратором. Может быть, его сковывала чужая языковая среда московской аудитории. Может быть, причиной была старость. В 1926 г. Бокани исполнилось уже 55 лет, и он был ровно вдвое старше меня. Не знаю, каким показался мне тогдашний Бокани: тогда на 22-летнего юношу он производил впечатление древнего и дряхлого старца. И, пожалуй, он уже был именно таковым.

По странным закономерностям возникают воспоминания почти полувековой давности. По неведомым ассоциациям всплывают обрывки фраз, туманности человеческих лиц, постепенно всеобщий хаос складывается в единую картину событий и людей того времени. А иногда, даже чаще, общей картины не возникает. Это все равно что входить ночью в густой лес с электрическим фонариком в руках. Слабый луч выхватывает из темноты какую-то ветку, иногда отдельный листок. А больше ничего не видно. И ветки не те, и листья не те. Темный лес воспоминаний не может дать систематического изложения. Внутренние ассоциации, которые возникают у автора при работе памяти, остаются скрытыми от читателя. Отсюда возникает впечатление сумбура и сборной солянки. Отсюда — и неожиданные, на посторонний взгляд, как бы лишённые внутренней логики, переходы от Мадьяра к Бокани и от него снова к Мадьяру.

Многим выделялся Мадьяр среди венгерских эмигрантов в Москве, и прежде всего своим превосходным знанием русского языка.

¹⁷ Реваи (Ревай) Йозеф (1898–1959) — венгерский революционер, коммунист, публицист. После падения Венгерской советской республики жил в Вене, Праге, Москве, работал в Коминтерне. В 1944 г. вернулся в Венгрию, занимал высокие партийные и государственные посты. В 1948–1953 гг. — главный идеолог венгерского коммунистического режима Ракоши.

¹⁸ *Butorsaság* — не существующее венгерское слово, образованное от слова «*butor*» — мебель.

Когда в 1929 г. в Москве разгорелась бурная дискуссия об азиатском [Л. 43] способе производства, Сергей Митрофанович Дубровский¹⁹ издал книгу под длинным названием «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала»²⁰. С. М. Дубровский был видным историком и аграрником. Со дня создания М. А. И. он стал заместителем директора, принимал активное участие в работе Крестинтерна и деревенского отдела ИККИ. От книги ждали многого: она должна была стать как бы заключительным словом в дискуссии. Но не стала.

Существенную роль в критике книги Дубровского играла рецензия Мадьяра в журнале Коммунистической академии «На аграрном фронте»²¹. Эта рецензия была классическим образцом журнального искусства. При этом мы впервые ясно поняли, почему молодой 25-летний Мадьяр считался во время Первой мировой войны одним из лучших журналистов Венгрии. Рецензия была уничтожающей. С мягким, но совершенно ядовитым юмором Мадьяр показал, что Дубровский оперирует цитатами из Маркса, соответственно их препарируя, и при этом полностью игнорирует реальную действительность Востока по той простой причине, что он ее не знает. К тому же в своей книге Дубровский изобрел новую общественную формацию, так называемое крепостничество. Сейчас книгу Дубровского назвали бы догматической, но тогда такого термина не существовало в научном обиходе: догматиками в той или иной степени были все.

¹⁹ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) — советский историк, декан Ленинградского государственного университета (1935–1936), в 1949 г. арестован и осужден, реабилитирован в 1956 г. Работал в Институте истории АН СССР, автор трудов по истории сельского хозяйства в России.

²⁰ *Дубровский С. М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М.: Научная ассоциация востоковедов при ЦИК СССР, 1929. 170 с.

²¹ Вот один из полемических выпадов: «Кому же верить? Тов. Дубровскому или Энгельсу? Если т. Дубровский на основании конкретного анализа конкретной исторической действительности большинства азиатских народов доказал бы, что Энгельс был неправ, а он прав, то мы верили бы Дубровскому. Но наш автор даже не пытается проанализировать истории хотя бы одной из азиатских стран, а говорит просто с кафедры, ничем не подтверждая свои теории. А Энгельс все же знал восточные страны. А кроме того, Энгельс все же был Энгельсом. Нельзя так бесцеремонно шельмовать Энгельса». См.: *Мадьяр Л. И.* Против ревизии марксизма (по поводу книги С. М. Дубровского) // На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 228.

Рецензия Мадьяра была удивительно едкой и уничтожала иронией. Сам Мадьяр со смехом рассказывал, что написал рецензию за одну ночь. Он поставил на письменный стол бутылку водки и чернильницу. К утру та и другая были опустошены, и рецензия была написана. Она оказалась столь же жизнерадостной, как и ее автор.

Не только журналистским умением и научными знаниями был славен Мадьяр. Он запомнился и своими личными качествами.

Венгерская эмиграция, как и всякая эмиграция, была раздроблена [Л. 44] на фракции, а эти последние распадались на группы и подгруппы. Относились они друг к другу намного хуже, чем кошки к собакам. Среди этой грызни Мадьяр производил впечатление человека очень чистого и в склоках не замешанного. Может быть, это объяснялось еще и тем, что он не имел больше прямого отношения к венгерским проблемам и занимался Китаем.

Когда я впервые увидел Мадьяра в самом начале 1929 г., он заведовал отделом Востока в М. А. И. Именно в связи с служебным положением Мадьяра и состоялось знакомство. Особой склонности к изучению Востока я не испытывал и мое появление у Мадьяра было чисто случайным.

На посту заведующего Научного бюро иностранной информации уже не было Бокани. Его сменил другой венгерский политэмигрант, Фаркаш²², которого сам же Бокани пригласил на должность своего заместителя. В некотором роде оправдывалась старая австрийская шутка времен монархии: если в учреждении работают десять немцев, то через год останется только один, а если работает один венгерец, то через год их будет десять.

До того Фаркаш работал в НКВД СССР и по старой памяти получал иногда приглашения на пресс-конференции. Оттуда он возвращался с бережно сохраняемой толстой сигарой, что было в те времена предметом редкостным. Фаркаш обстоятельно демонстрировал сигару всем сотрудникам Научного бюро, а затем неизменно отдавал ее научному сотруднику Бруку: сам Фаркаш не курил. Для Брука сигара также была скорее символом престижа. Он долго вертел ее, осторожно отрезал кончик и медленно курил, подгоняя дым рукой в свою сторону, чтобы никто другой не мог принять участие в наслаждении. Чтобы продлить сеанс курения, Брук рассказывал о своих

²² Предположительно, речь идет о журналисте Габоре Фаркаше.

взаимоотношениях с редакцией берлинской газеты «Фоссише Цейтунг»²³. Брук был постоянным московским корреспондентом этой газеты и говорил, что [Л. 45] скоро ему придется прекратить корреспонденции, потому что газета явно меняет свое прежнее благожелательное отношение к СССР и требует больше критики, а он, Брук, естественно, критиковать не хочет. В качестве иллюстрации Брук рассказывал, что редакция забраковала его большую корреспонденцию «Мое первое воскресенье в понедельник». Дело в том, что недавно была введена так называемая «непрерывка», то есть непрерывная рабочая неделя, чтобы не простаивали зря машины. Заодно непрерывка действовала и для служащих всех учреждений. В результате один член семьи по скользящей шкале отдыхал в понедельник, другой в среду, а третий в пятницу. На следующую неделю все менялось. Об этом и написал Брук в немецкую газету, восторгаясь тем, что он ни разу не может отдохнуть одновременно со всей семьей. По словам Брука, редакция не пожелала разделить его восторг и отказалась напечатать эту корреспонденцию.

Фаркаш вместе с нами слушал рассказ Брука и вполне, как и все мы, ему сочувствовал. Был Фаркаш лет на 15 моложе, чем Бокани и, конечно, точнее представлял себе задачи Научного бюро. В качестве своего литературного наследства он опубликовал несколько статей в журналах «Международная жизнь» и «Вопросы труда», подписанных точным переводом своей венгерской фамилии: Волков.

Меня больше интересовало эпистолярное творчество Фаркаша. Собственно говоря, оно определило мой жизненный путь на десятилетия вперед. Дело было в том, что в конце 1928 г. я демобилизовался из Красной армии, где проходил службу одногодичника. Бурного спроса на работников интеллигентных профессий тогда не было. В Москве у меня не было ни кола, ни двора. В поисках работы я заглянул на старое место службы: поболтать со старыми друзьями и заодно узнать, нет ли вакансий. Увы, вакансий не было. Но зато я получил от Фаркаша два длинных письма, за которые я по гроб жизни ему благодарен. Одно было адресовано члену Президиума Крестинтерна Хевеши, а другое Мадьяру. Написаны были оба письма по-венгерски. Я от природы был всегда любопытным, я уже тогда знал исторический

²³ *Vossische Zeitung* — немецкая либеральная газета, издавалась в Берлине под разными названиями в 1721–1934 гг.

прецедент: в письме с просьбой оказать почетный прием подателям какой-то восточный владыка неправильно поставил точки в персидском тексте. Результат был самый плачевный: подателей лишили некоторых весьма нужных частей их тела. Поэтому я предварительно отправился в Институт мирового хозяйства и мировой политики, к Лизе Арвале²⁴. Она перевела текст вслух по-немецки: максимум похвал и длинный перечень несуществующих добродетелей, и особенно иностранных языков, которыми я якобы владею.

Только после этого я отправился сначала в М. А. И. к Мадьяру. Очень вежливый прием, нет, увы, вакансий нет. Затем посещение Хевеши в Крестинтерне и прием на работу в качестве референта генерального секретаря Крестинтерна Ивана Адольфовича Теодоровича²⁵.

Таким образом, первое знакомство с Мадьяром было самым поверхностным и коротким, но с началом моей работы в Крестинтерне, естественно, возникали более точные восприятия. Самое сильное впечатление произвело выступление Мадьяра на чистке партии осенью 1929 г. в объединенной ячейке М. А. И. и Крестинтерна. Здесь в полном объеме проявились редкостное обаяние, которое излучал Мадьяр, и тот особый юмор, который присущ венграм.

Странная то была картина. На заседания комиссии по чистке обязаны были являться все члены данной партийной ячейки. Рекомендовалось приходиться и беспартийным сотрудникам. Поскольку парторганизация М. А. И. была довольно многочисленной, а биография почти каждого из них была сложнее обычного и занимала много времени, то чистка М. А. И. продолжалась несколько недель. Институт в течение [Л. 47] всего этого времени фактически ничем другим не занимался: по вечерам друг друга чистили, а на следующее утро обсуждали вчерашние впечатления.

Каждый коммунист должен был подробнейшим образом рассказать свою биографию, особенно в части политических прегрешений или уклонов. Затем следовали вопросы и, наконец, выступления

²⁴ Арвале Лиза — итало-венгерка из Фиуме (ныне Риека в Хорватии), жена сербского коммуниста Радомира Вуйовича (1895–1939), с которыми В. М. Турок был знаком со времени учебы в Вене. См.: Турок 1966: 168.

²⁵ Теодорович Иван Адольфович (1835–1937) — советский партийный и государственный деятель, в 1928–1930 гг. — генеральный секретарь Крестинтерна и директор Международного аграрного института.

товарищей по работе и вообще всех желающих. Выступления, естественно, бывали разные. Например, генерального секретаря Крестинтерна Теодоровича, который одновременно был директором М. А. И., ни о чем не спрашивали, а когда он закончил свою биографию, раздались аплодисменты, правда, не слишком громкие. Теодорович посмотрел вокруг и сказал: «Не надо, мне это тяжело». А перед заседанием работавший в Крестинтерне венгерский поэт и политэмигрант Эмиль Мадарас²⁶ шепотом убеждал присутствующих, что старого большевика Теодоровича надо приветствовать. Мадарас работал в агитпропе Крестинтерна, и Теодорович был для него верховным начальником, а к начальникам Мадарас привык относиться с почтением. Помню два его отзыва о Йозефе Ревае. Весной 1929 г. в разговоре с Мадарасом я случайно упомянул, что когда-то был знаком и даже дружен с Реваем. Мадарас немедленно расцвел, посмотрел на меня с некоторым уважением и сказал, что Кемени (нелегальное имя Ревая) является одним из вождей партии и вообще представляет собой персону выдающуюся. Второй раз я в разговоре с Мадарасом упомянул Ревая в 1931 г., после того как прочитал в «Инпрекорр»²⁷ резолюцию о грубых правооппортунистических ошибках группы Кемени — Лукача в венгерской компартии. На этот раз Мадарас отнесся к Кемени с полным презрением и удивился, зачем упоминать подобные личности.

В Крестинтерне Мадарас работал по должности, а своей основной профессией считал поэзию. Писал он, конечно, по-венгерски. Поэтому свои стихи печатал он, как правило, в изданиях кооперативного [Л. 48] «Издательства иностранных рабочих», которое было создано в Москве в середине двадцатых годов и явилось отдаленным предком

²⁶ Мадарас Эмиль (родовая фамилия Фогель, 1884–1962) — венгерский поэт и писатель, в начале XX в. вступил в Социал-демократическую партию, в 1919 г. — в Коммунистическую партию Венгрии, сражался в венгерской Красной армии, после падения Венгерской советской республики эмигрировал в Вену, в 1922 г. (по другим источникам — в 1923-м) — в СССР. Сотрудничал с журналами *Sarló és Kalapács* («Серп и молот») и *Új Hang* («Новый голос»), как писатель публиковался в переводах на русский язык. При выборе псевдонима сменил фамилию *Vogel* («птица», нем.) на *Madárasz* («птицелов», венг.).

²⁷ *Inprekorr/Inprecor* — международный бюллетень Коминтерна, выходивший на немецком, английском и французском языках. В 1931 г. редактором немецкого издания был работавший в Берлине венгерский политэмигрант-коммунист Дюла Алпари (1882–1944).

нынешнего издательства «Мир»²⁸. Иногда стихи Мадараса появлялись и в изданиях на русском языке. В этих случаях процедура была довольно сложной. Мадарас писал русский подстрочник, а какой-то постоянно с ним кооперировавшийся русский поэт перелагал эту прозу на стихи²⁹. Насколько результат соответствовал первоначальному тексту, судить не нам. Во всяком случае, некоторые переводы производили неплохое впечатление. Например, запомнилось стихотворение «Кубикоши»³⁰, опубликованное в «Правде» или в «Известиях» и посвященное жизни кубикошей, то есть венгерских сезонников, занятых на дорожных работах³¹.

Писал Мадарас и прозу. Как-то он дал мне прочитать русский перевод одного из своих рассказов. При этом сказал, что одной из действующих персон присвоил мою фамилию: действующей персоной оказался пес, правда, чистопородный. О нем было сказано, что «Турок коротко залаял». При всей моей любви к собакам не могу утверждать, что мне очень понравилось такое применение моего литературного имени. Может быть, поэтому рассказ не произвел на меня впечатления шедевра. Не знаю, в какой степени проза и поэзия Мадараса вошли в современную венгерскую литературу. Подозреваю, что в те времена Мадараса хвалили не столько за литературный талант, сколько за революционность. По крайней мере, вышедший в Москве в 1932 г. т. VI «Литературной энциклопедии» содержал большую статью о творчестве Мадараса, но не давал оценку литературных достоинств его произведений, а всячески подчеркивал, что «их основные достоинства — четкая политическая заостренность, боевая актуальность, последовательный интернационализм и революционный оптимизм»³². Но ведь актуальность приходит и уходит, и только хорошие рукописи не горят...

²⁸ «Издательство Товарищества иностранных рабочих» было создано в Москве в 1931 г.; в 1939 г. преобразовано в «Издательство литературы на иностранных языках», из которого в результате преобразований 1963–1964 гг. выделились издательства «Прогресс» и «Мир».

²⁹ Скорее всего, имеется в виду Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959) — поэт, переводчик, литературовед.

³⁰ *Kubikos* — землекоп (венг.).

³¹ Впоследствии стихотворение вошло в антологию: *Мадарас Э. Семнадцать лет: Стихи* / пер. с венг. М.: Советский писатель, 1937. 129 с.

³² *Матейка Я.* Мадарас Эмиль // *Литературная энциклопедия* / глав. ред. А. В. Луначарский. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Т. 6. Ст. 685. Автор статьи Янош Матейка

Часто приходил к Мадарасу в Крестинтерн еще один венгерский пролетарский писатель. О нем помню только, что был почти слепой и носил густо-синие очки с толстыми стеклами. Кажется, это был Гергей³³.

[Л. 49] Некоторые из произведений Мадараса публиковались в издававшемся в Москве на венгерском языке журнале «Шарло эш Калапач» («Серп и молот»)³⁴. Со времен гражданской войны некоторые венгерские военнопленные-коммунисты остались в СССР. К этому появились эмигранты после гибели Советской Венгрии³⁵. Поэтому венгров можно было встретить в самых неожиданных уголках нашей необъятной страны. Когда в июле 1937 г. мы с женой прибыли в Омск в качестве невольных гостей³⁶ Омского областного управления МГБ, то в кабинете начальника отделения капитана Нелипа³⁷ я вдруг увидел на этажерочке несколько номеров этого журнала. Нелипа оказался венгром. К сожалению, беседа оказалась для меня мало интересной. А через два года при моем обратном проезде через Омск уже не было Нелипы³⁸: текучесть кадров была присуща многим заведениям...

(1895–1940) — венгерский политэмигрант, писатель, поэт, журналист, литературный критик.

³³ Гергей Шандор (Грюмбаум Шандор, 1896–1966) — венгерский писатель-коммунист, в 1931–1945 гг. — политэмигрант в СССР. Во время Первой мировой войны ослеп от полученного ранения, частично вернул зрение после операций. По возвращении из эмиграции в 1945–1951 гг. возглавлял Союз венгерских писателей.

³⁴ *Sarló és Kalapács* — политический, научно-популярный и литературный журнал, издававшийся в 1929–1937 гг. в СССР на венгерском языке. В Венгрии был запрещен.

³⁵ Имеется в виду Венгерская советская республика 1919 г.

³⁶ В июне 1937 г. жена В. М. Турока — К. А. Антонова — была выслана в Омск как член семьи репрессированного (ее мать как троцкистка была приговорена к пяти годам лагерей). Турок последовал в ссылку за женой. См.: Антонова 1995: 94.

³⁷ В Постановлении Президиума ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 9 июля 1937 г. Нелипа, вместе с Салыным и Фоминым, назван в составе тройки по Омской области. Сотрудник НКВД Яков Петрович Нелиппа родился в 1892 г. в селе Верхний Рогачек Таврической губернии, по документам национальность — украинец. Принадлежала ли его семья к переселенцам из Австро-Венгрии и имела ли вообще отношение к Венгрии — неизвестно.

³⁸ Я. П. Нелиппа был репрессирован в 1937 г., осужден в 1939 г., затем освобожден, в 1944 г. работал зам. директора завода в Сталинграде, был награжден орденом «За боевые заслуги». См.: URL: <https://nkvd.memo.ru/index.php/> (дата обращения: 09.07.2020).

Итак, возвращаемся к чистке 1929 г.

Заседания были открытыми, и могли приходиться не только сотрудникам, но и все желающие извне. Иногда это превращало чистку в театральное зрелище. На чистку, например, являлись соседи по коммунальной квартире и настойчиво требовали ответа, почему коммунист, имярек, не доплатил несколько копеек за электричество на общей кухне, или почему его жена в дни своих дежурств по квартире не подметает пол в коридоре. Порой чистка была удобным поводом для сведения личных счетов. Иногда в выступлениях критиковали не тех, кого надо, и комиссия начинала волноваться, но прервать критические выступления было не так легко: инструкция запрещала. Так, например, на чистке 1929 г. беспартийный заведующий отделом библиографии Кобленц с необычайной силой въедался в председательницу месткома М. А. И., Дружинину — пожилую, объемистую и очень нервную даму, с вопросами: на каком основании она в частных беседах именовала себя дочкой Надежды Константиновны Крупской? Ответы Дружининой Кобленца не удовлетворили, и на следующее заседание комиссии он принес полученную им собственноручную записку Н. К. Крупской: «Ни у меня, ни у Владимира Ильича детей никогда не было». Не удовлетворило Кобленца и последовавшее за этим объяснение Дружининой, что [Л. 50] называя себя «дочкой», она имела в виду образную характеристику своих отношений с Н. К. Крупской. Не менее въедливо Кобленц допытывался, почему, работая в МАИ по Турции, Дружинина, как выяснилось, не в состоянии читать турецкие газеты. Несчастливая напрасно объясняла, что она закончила востоковедное образование до реформы турецкого правописания и может читать турецкие тексты на арабском шрифте, но сразу становится неграмотной при переходе на латинский алфавит. Это элементарно ясное объяснение почему-то никого не убедило и мучения Дружининой продолжались несколько вечеров подряд.

Партбюро искало способ прикрикнуть на Кобленца и тщетно стремилось найти сотрудника, который сделал бы вид, что он не знает правил проведения чистки и внесет предложение изгнать Кобленца с собрания и не впускать его впредь. Эмиль Мадарас пытался уговорить меня сделать это, но я применил простейший способ уклониться: не пришел на следующее заседание и скорбел, что пропускаю любопытный спектакль.

Конечно, главная и основная цель чистки никогда не исчезала из поля зрения комиссии. Чистка, в общем и целом, как бы подводила итоги политическому и организационному поражению троцкистско-зиновьевской оппозиции и вместе с тем намечала вехи разгрому бухаринских красных профессоров. В этой обстановке любое неудачное слово, любая мелочь могли принести крупные неприятности.

Каждый проходивший чистку старался развивать самокритику в должной мере, дабы не повредить себе и не рассказать больше того, что было известно из личного дела и предыдущих взысканий. В отличие от такого рода выступлений Мадьяр держался на чистке совершенно спокойно и непринужденно и рассказывал свою жизнь с полной откровенностью. Поражала его скромность. В частности, Мадьяр рассказал, что когда в 1922 г. он в качестве политэмигранта приехал в СССР, то обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой при переводе [Л. 57] его из венгерской партии в ряды ВП(б)³⁹ не засчитывать ему его венгерский партийный стаж. «Ну какой же я был большевик, — сказал Мадьяр, — ведь я ничего не понимал в марксизме и только чувством был на стороне революции». Оценить такой поступок Мадьяра могут только современники, помнящие, какое огромное значение имела тогда длительность партийного стажа: каждый год стажа прибавлял лишнюю ступеньку в служебной лестнице.

Ни слова не сказал Мадьяр о своей деятельности в Венгрии и только из выступлений сотоварищей комиссия по чистке услышала, что, несмотря на тогдашнюю молодость, Мадьяр был одним из самых блестящих журналистов Венгрии, сломал свою карьеру в буржуазной журналистике, решительно и немедленно перейдя на сторону венгерской революции. А товарищи, знавшие Мадьяра по работе в генеральном консульстве в Шанхае, подробно рассказывали на чистке то, о чем опять-таки умолчал Мадьяр: с револьвером в руках он мужественно оборонял в 1927 г. советское консульство от нападения белогвардейцев. Ни разу не упоминался во время чистки другой поступок Мадьяра: 31 октября 1918 г. Мадьяр с группой солдат ворвался в кабинет венгерского премьера графа Иштвана Тисы⁴⁰ и во время бурно-

³⁹ Так в тексте. Имеется в виду Всероссийская партия (большевиков).

⁴⁰ Тиса Иштван, граф (1861–1918) — венгерский политический деятель, глава либеральной партии, премьер-министр в 1903–1905, 1913–1917 гг., сторонник прогерманской ориентации Австро-Венгрии. Биографы И. Тисы не называют имен его убийц. См.: Vermes 2001: 476–447. На русском языке см.: Исламов 2005.

го спора застрелил Тису. Единственное упоминание я встретил в упомянутой в начале книги, в статье В. Н. Никифорова и А. М. Григорьева со ссылкой ... на мой рассказ, «Венгерские товарищи, — вспоминает В. М. Турок, — рассказывали, будто Л. Мадьяр участвовал в убийстве группой солдат ненавистного диктатора дореволюционной Венгрии — графа И. Тисы»⁴¹. Действительно, излагая В. Н. Никифорову несколько лет назад этот случай, я под «несколькими товарищами» имел в виду Зольтана Липпая⁴², который сам был участником венгерской революции и хорошо знал Мадьяра. Конечно, рассказ Липпая требует тщательной проверки. До сих пор я нигде не нашел и не услышал подтверждения. Со времен контузии в Первой мировой войне у Липпая бывали и не такие фантазии. Он, например, с совершенно [Л. 52] серьезным видом сообщил мне, что лидер английских лейбористов Бевин⁴³ был платным агентом английской «Интеллидженс сервис». На вопрос об источниках столь важного сообщения Липпай ответил, что ведь это совершенно ясно: не будет же Бевин бесплатно срывать забастовку портовых грузчиков...

Во время чистки 1929 г. никто не мог даже в бреду вообразить, что человек, бескорыстно отдавший всю свою жизнь служению революции, погибнет через 10 лет от руки людей, именовавших себя наиболее последовательными и несгибаемыми революционерами. Ведь мы с самых ранних лет усвоили непреложную истину, что только буржуазные революции пожирали своих детей и ничего подобного не может произойти и никогда не произойдет с революцией социалистической. Наша логика была безошибочной: не произойдет, потому что не может произойти...

В. Турок, октябрь 1973 г., Будапешт

Печатается по: Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár, Budapest. 867. f. Visszaemlékezések, t-137. Turok Vlagyimir Mihajlovics. I. 36–52. l.

⁴¹ Григорьев, Никифоров 1970: 103.

⁴² Липпай Золтан (1896–1961) — венгерский историк, политэмигрант, автор книг «Борьба империалистов в Дунайском бассейне» (1938); «Венгрия. Политико-экономический очерк» (1940). См.: Желицки, Желицки 2012: 357–359.

⁴³ Бевин Эрнест (1881–1951) — британский профсоюзный руководитель и государственный деятель. В 1926 г. поддержал идею всеобщей стачки, закончившейся поражением бастующих.

17.

серьезным видом сообщил мне, что лидер английских лейбористов Бевин был платным агентом английской "Интеллидженс сервис". На вопрос об источниках столь важного сообщения Липпай ответил, что ведь это совершенно ясно: не будет же Бевин бесплатно срывать забастовку портовых грузчиков...

Во время чистки 1929 г. никто не мог даже в бреду вообразить, что человек, бескорстно отдавший всю свою жизнь служению революции, погибнет через 10 лет от руки людей, именовавших себя наиболее последовательными и негнбаемыми революционерами. Ведь мы с самых ранних лет усвоили непреложную истину, что только буржуазные революции пожирали своих детей и ничего подобного не может произойти и никогда не произойдет с революцией социалистической. Наша логика была безошибочной: не произойдет, потому, что не может произойти ...

Владимир
1973 г.
Буденный

52

Список сокращений

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
 Крестинтерн — Крестьянский Интернационал
 МАИ (М. А. И.) — Международный аграрный институт
 МОПР — Международная организация помощи борцам революции
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств

Литература

- Антонова 1995 — Антонова К. А. В. М. Турок (к 90-летию со дня рождения) // Славяноведение. 1995. № 1. С. 92–105.
- Григорьев, Никифоров 1970 — Григорьев А. М., Никифоров В. Н. Людвиг Мадьяр (1891–1937) // Видные советские коммунисты—участники Китайской революции: Сборник статей / отв. ред. Г. В. Астафьев. М.: Наука, 1970. С. 102–110.
- Желицки, Желицки 2012 — Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты: середина XIX — конец 50-х годов XX века. М.: Индрик, 2012. 600 с.
- Исламов 1995 — Исламов Т. М. «В. М. доктор Турок» // Славяноведение. 1995. № 1. С. 89–91.
- Исламов 2005 — Исламов Т. М. Граф Иштван Тиса — «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. № 3. С. 47–53.
- Турок 1966 — Турок В. М. Мое знакомство с революционерами и цареубийцами // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография / отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1966. С. 151–170.
- Kövér 2018 — Kövér Gy. Latogatás Vlagyimir Turoknál // Tertium datur. Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára / szerk. J. Juhász, Gy. Szvák. Budapest: Rus-sica Pannonicana, 2018. 359–371. old. (Ruszsztikai Könyvek. XLIV).
- Ránki 1999 — Ránki V. The politics of inclusion and exclusion: Jews and nationalism in Hungary. New York: Holmes & Meier, 1999. 269 p.
- Steppan 2008 — Steppan Ch. Die Habsburgermonarchie als Spiegelbild eines Ideologiewandels. Sowjetische und postsowjetische Historiographie zur österreichischen Geschichte im 19. Jahrhundert. Diplomarbeit. Innsbruck, 2008. 284 S. (рукопись).
- Vermes 2001 — Vermes G. Tisza István. Budapest: Ösiris Kiadó, 2001. 578. old.

References

- Antonova, K. A., 1995. V. M. Turok (k 90-letiu so dnia rozhdeniia) [V. M. Turok (to the nineteenth anniversary)]. *Slavyanovedenie*, 1, pp. 92–105. (in Rus.)

- Grigoriev, A.M., Nikiforov, V.N., 1970. Ludwig Magyar (1891–1937). In: Astafiev, G.V., ed. *Vidnye sovetskie kommunisty — uchastniki Kitaiskoi revoliutsii. Collection of articles* [Renown Soviet Communists — participants of the Chinese revolution]. Moscow: Nauka, pp. 102–110. (in Rus.)
- Zhelitski, B.J., Zselitski Ch.B., 2012. *Vengerskie emigratsionnye volny i emigranty: seredina 19 v. — konets 50-kh godov 20 v.* [Hungarian emigration waves and emigrants: from the middle of the nineteenth century to the 1950s]. Moscow: Indrik, 600 p. (in Rus.)
- Islamov, T.M., 1995. “V.M. doktor Turok”. *Slavyanovedenie*, 1, pp. 89–91. (in Rus.)
- Islamov, T.M., 2005. Graf Ishtvan Tissa — “sil’nyi chelovek” Vengrii [István Tissa — Hungary’s “strong man”]. *Slavyanovedenie*, 3, pp. 47–53. (in Rus.)
- Turok, V.M., 1966. Moe znakomstvo s revoliutsionerami i tsareubiitsami [My acquaintance with revolutionaries and regicides]. In: Koroliuk, V.D., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope i ikh istoriografiia* [International relations in Central and Eastern Europe and their historiography]. Moscow: Nauka, pp. 151–170. (in Rus.)
- Kövé, Gy., 2018. Latogatás Vlagyimir Turoknál. In: Juhász, J., Szvák, Gy., eds. *Tertium datur. Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára*. Budapest: Russica Pannonica, pp. 359–371 (Ruszisztikai Könyvek. XLIV).
- Ránki, V., 1999. *The politics of inclusion and exclusion: Jews and nationalism in Hungary*. New York: Holmes & Meier, 269 p.
- Steppan, Ch., 2008. *Die Habsburgermonarchie als Spiegelbild eines Ideologiewandels. Sowjetische und postsowjetische Historiographie zur österreichischen Geschichte im 19. Jahrhundert*. Diplomarbeit. Innsbruck, 284 p. (manuscript).
- Vermes, G., 2001. *Tisza István*. Budapest: Ösiris Kiadó, 578 p.

Подготовка к печати, примечания и список литературы —
О.В. Хаванова

Vladimir M. Turok

Lajos Magyar et alia

Vladimir M. Turok (1904–1981)—a Soviet historian and expert in contemporary history of Austria—worked at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences from 1961 to 1981. In his student years, he lived in Vienna and was acquainted with many activists of the Comintern. After returning to the USSR in 1926, he worked at the International Agrarian Institute, where he met with Hungarian political emigrants, including the future Hungarian prime-minister Imre Nagy. In 1973, in Budapest, Turok gave an extensive interview to the fellows of the Institute of Party History (in 1991 renamed the Institute of Political History), Katalin Petrak and Irén Ács-Andrásné, in which he spoke about the Hungarians whom he had had a chance to meet. The Institute's archive funds contain type-written transcripts of this interview, among which the text entitled *Lajos Magyar et alia* stands out separately and represents a draft of an unpublished article. In it, Vladimir Turok shared personal memories of the Hungarian political émigré and prominent Soviet Sinologist Lajos Magyar, and also talked about his work at the International Agrarian Institute, Krestintern (Peasant International), its employees, and the party purges of 1929. The text of the interview-article is adduced without abbreviations, while the spelling and punctuation are brought up to modern standards.

Keywords: International Agrarian Institute, Krestintern (Peasant International), Hungarian political émigrés in the USSR, party purges of 1929

How to cite: Turok, V. M., 2021. Lajos Magyar et alia. *Tsentral' noevropeiskie issledovania*, 2020, 3(12), pp. 329–350. doi: 10.31168/2619-0877.2020.3.15